

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

театр — селу

Спектакль начался в полночь

КОЛХОЗ «Правда», что в Ход-жамбасском районе, в орбиту гастролей Ашхабадского тюза нынче не попал: колхозов в районе дюжина, а гастрольных вечеров всего шесть. К тому же он на отшибе, на краю Кызылкумов, и дороги к нему переметало песками. Но в гостиницу к артистам приехал сам председатель, Герой Социалистического Труда Джумакулы Мамедов и деловито решил:

— Выходной предвидится? Значит, в выходной и ждем... — И ушел, не дожидаясь возражений.

Спектакль назначили на девять вечера, когда никнет жара, а на небо высыпают обильные звезды. Но и в десять зал пустовал, и скупала без дела кассирша. Артисты, одетые в военную форму, «нашу» и «не нашу», сидели на краю сцены, пили чай и рассуждали о кознях погоды и о воздействии ее на искусство. За стенами клуба звенели цикады, а открытые окна тянуло полынью. То дышала степь. Тускло светил фонарь, и невольно вспоминался другой вечер — тоже театральный.

На один из прогонов тюзского спектакля «Золотая звезда» собрались фронтовики. И вдруг в начале второго акта погас свет. Электрик ушел, аварийная служба еще не пришла, и кто-то принес из реквизита фронтовую коптилку, сработавшую из гильзы. Репетицию продолжили, но тут встал Герой Советского Союза Пена Реджепов, военный консультант спектакля, и сказал:

— Стоп, ребята! Наш Айдогды, помнится, состоял из мышц и крови... Послушайте-ка нас...

В зале сидели те, кто в феврале сорок третьего в окопах под Старой Руссой услышал умноженный динамиками голос Айдогды Тахирова — сер-

жанта, плененного в неравном бою фашистами:

— Земляки, к вам обращаюсь я, Айдогды из туркменского аула Арап-кала... Мне предлагаю призвать вас сдаваться в плен и в обмен на это предлагают жизнь. Я очень люблю жизнь и потому призываю: бейте врага до победы, будьте верны знамени, которому клялись...

Захлебнулся на полуслове микрофон, а в отбитом у врага блиндаже бойцы обнаружили исколотое штыками тело героя. Врагам было очень важно склонить на свою сторону Айдогды. Это он, земледелец сын земледельца, от имени туркменской бригады поклался армейскому знамени в верности воинскому долгу. Это он в своем предпоследнем бою скошил сорок семь фашистов...

Народные бахши и поныне слагают об Айдогды красивые легенды. Известный туркменский прозаик Нариман Джумаев написал о герое роман, а потом дебютировал в новом для него жанре драмы, где раскрыл завесу над подвигом Тахирова — человека из легенды. Сам фронтовик, он сидел среди фронтовиков как равный среди равных, но очень волновался. Волновался хотя бы потому, что только он один из них лично не знал Айдогды, даже не слышал его. И тем не менее ощущал Тахирова старшим братом. Во всяком случае, на фронт Джумаева позвал подвиг земляка. Семнадцатилетним он успел призвать последний

год войны и прошел от Днепра до Дуная.

— Ребята,— говорил артистам Багши Атаев, генерал-майор в отставке, в прошлом командир Айдогды,— что сейчас происходит? Происходит передача эстафеты. Мы передаем вам свое понимание подвига. Тахиров не был героем из сказки. Глубоко мирный человек, он кровью своей обогрил наше трудовое знамя. Он — святой в памяти народной, но всегда чуждался громкой фразы. В пьесе ведь нет восклицательных знаков, не ставьте их сами!..

Атаев достал из планшета старую, потертую на гнибах карту, исчерченную стрелками и значками, и сказал: «Вот тут могила Айдогды — новгородская земля, земля героев, приняла его». Из зала все это выделось сценой в блиндаже, и свет коптилки вырывал из темноты сосредоточенные лица актеров, вчерашних студийцев, «гвардии послевоенного выпуска», как называл их один из фронтовиков.

— У моего героя,— скажет позже, выступая по телевидению, Овез Геленов, исполнитель роли Айдогды,— есть слова: каждому дано зажечь или потушить свою звезду. Хочу жить по-тахировски, чтобы звезда моя не сходила с неба-склона.

...И вот сидели ребята в свой выходной на краю сцены и терпеливо ждали зрителей.

— Стыдно,— сказала вдруг Гозель Хаджиева, исполнительница роли немецкой девушки

Урсулы.— Стыдно, ребята... Нам на поле нужно было ехать... Там наши руки сейчас нужнее...

— Поздно спохватились,— пожал плечами администратор Чары.— Ладно, за белоручек не посчитают.

Улица ожила к полночи. Колхозники, принаряженные и степенные, стекались к кассе, и скоро там создалась толча. А люди шли да шли: в этот вечер «Правда» закончила пересев и первую культивацию, урожай был спасен, и завлукбom оперативно написал плакат: «Стихия сильна, а человек сильнее».

Спектакль начался, когда умолкло радио. Зрители, затан дыхание, смотрели пьесу о герое и совсем не думали о том, что они тоже герои. Зал ненавидел врагов и восхищался своими. Театры в этих краях не так уж и часты...

Спектакль в колхозе закончился, когда уже рассветало. На сцену поднялся председатель и взамоном руки остановил аплодисменты.

— Односельчане,— сказал он.— Про артистов говорят, что они «играют». Неправда! Они сражаются. Вот так, как сегодня. Не так давно наш Тюз получил красное знамя за активную работу со зрителем. Он взял это переходящее знамя у рижан. Ребята приехали к нам под этим знаменем. Давайте поаплодируем и этому знамени, которому они так верны...

А. ДИМОВ.

АШХАБАД.